

менѣ ясны намеки на то же, когда, напримѣръ, Кьеркегаардъ изображаетъ Антигону и Эдипа. Его Антигона владѣетъ секретомъ, котораго она не можетъ довѣрить никому,—она знаетъ таинственную исторію брака ея отца Эдипа. Кьеркегаардъ не могъ сдѣлать изъ такой Антигоны обманутую и покинутую женщину, какъ Эльвира или Марія; зато онъ воплотилъ самого себя въ Антигонѣ, онъ воплотилъ въ ней любящаго человѣка. Его Антигона любитъ и разрываетъ свою связь съ тѣмъ, кого она любитъ, только потому, что она не можетъ сообщить тайны своей жизни. Она изъ любви прибѣгаетъ къ обману, ибо иначе ея возлюбленный несправедливо долженъ былъ бы страдать вмѣстѣ съ нею. Итакъ, замѣнивъ только одинъ полъ другимъ, мы встречаемъ у Кьеркегаарда ту же самую тѣму, которую онъ варьируетъ безконечно.

Особенно интересно для меня было открыть тотъ же мотивъ, заимствованный изъ личныхъ отношеній автора, въ одномъ изъ его юношескихъ произведеній, гдѣ вовсе нѣтъ вопроса о любви и замѣчается переходъ къ религіозному творчеству. Эта книга, замѣчательная и по глубинѣ мыслей, и по силѣ чувства, вращается исключительно около исторіи Авраама и Исаака изъ ветхаго заветъ, и въ то же время — дѣло идетъ вовсе не объ Авраамѣ и Исаакѣ. Когда оба они достигли горы Моріа, Авраамъ началъ объяснять Исааку то, что его ожидаетъ. Но Исаакъ никакъ не можетъ понять отца; его душа не въ состояніи подняться до высоты его мысли, и онъ обнимаетъ колѣни Авраама, молить отца о пощадѣ. Тогда Авраамъ (въ рассказѣ Кьеркегаарда) видитъ себя въ необходимости прибѣгнуть къ обману. Онъ хватаетъ сына за грудь и повергаетъ его на землю, со словами: „Несчастный, ты думаешь, что это—божія воля? Нѣтъ! такъ я хочу!“ Въ предсмертномъ страхѣ, Исаакъ обращается къ Богу съ мольбою, а Авраамъ говоритъ про себя:—„Господь небесный, благодарю тебя! пусть лучше онъ считаетъ меня чудовищемъ, нежели потеряетъ вѣру въ тебя“.

Когда по отпечатаніи моей книги о Кьеркегаардѣ, появились на свѣтъ его мемуары, которыхъ я не зналъ, оказалось, что то, что я высказалъ о психологіи его произведеній еще подъ сомнѣніемъ, совершенно совпадало съ дѣйствительностью.

Подобно тому, какъ натуралисты умѣютъ приводить различныя формы организмовъ, каковы: рыба, птица, собака и человѣкъ—къ одному первоначальному типу эмбриона, точно такъ и критика можетъ съ успѣхомъ выяснить, какимъ образомъ одинъ и тотъ же основной сюжетъ варьируется у автора въ цѣлой се-